

Глава 28. Попался

Посещение весёлых кварталов, тесное общение с сомнительными личностями, дерзкая попытка открыть собственное дело и, в довершение всего, ссора едва ли не со всеми почтенными господами города Хуафу — любого из этих проступков хватило бы, чтобы отец раза четыре переломал Е Линьфэну ноги.

Он не возвращался в Поместье семьи Е почти полгода. Комната, некогда принадлежавшая Линьфэну, встретила его чистотой и порядком: на мебели не было ни пылинки, словно здесь убирались каждый день. Глядя на это, юноша невольно вздохнул. Скорее всего, это распоряжение тётушки — отец никогда не отличался такой чуткостью к деталям.

Сборы были в самом разгаре, когда в коридоре раздались шаги. Послышалась поступь — размеренная и быстрая. Так обычно ходит взрослый мужчина, который очень спешит, но из чувства приличия старается не терять достоинства. За годы самосовершенствования слух Линьфэна стал необычайно острым; он легко различал походку обычных смертных, а шаги близких людей и вовсе мог узнать из тысячи.

Линьфэн невольно улыбнулся.

Судя по звуку, это был его не по годам серьёзный младший брат, Е Линьгэ — первый сын, которого тётушка родила отцу.

Взглянув на вещи, разбросанные по кровати, Линьфэн быстро накрыл их одеялом, скрывая следы поспешных сборов, и только после этого подошёл к двери.

— Линьгэ, как ты...

«Как ты так быстро прознал о моём возвращении?» — хотел спросить он, но не успел. Вид брата был более чем странным.

Линьгэ, который был уже на полголовы выше старшего брата, поспешно ввалился в комнату. Он приложил палец к губам, призывая к тишине, и нервно оглянулся на пустой коридор. Убедившись, что свидетелей нет, он, словно воришка, осторожно прикрыл дверь и задвинул засов.

Линьфэн замер в недоумении. Что это с ним? Неужто опять вляпался в историю и пришёл просить о помощи?

— Тш-ш... Тише. Иди сюда, — Линьгэ схватил брата за запястье и оттащил вглубь комнаты, подальше от двери.

На лбу младшего выступили капельки пота. Он усадил Линьфэна за стол и заговорил так тихо,

будто опасался, что у стен поместья выросли уши.

— В чём дело? — шёпотом спросил старший.

Убедившись, что они в безопасности, Линьгэ наконец дал волю чувствам:

— Натворил таких дел и ещё смеешь возвращаться?! Жить надоело?!

— Натворил дел? Ну, просвети же меня, о чём речь?

На губах Линьфэна всё ещё играла улыбка. Прошли годы, а младший брат всё так же любил поучать его и брать на себя лишние заботы. Глядя на них со стороны, трудно было сказать, кто из них на самом деле старший.

По возрасту Линьфэн обходил брата на два года. По жизненному опыту — он с малых лет покинул дом, чтобы практиковать в горах. По праву рождения он был первенцем покойной законной супруги, в то время как Линьгэ был лишь вторым сыном тётюшки.

Однако внешне всё выглядело иначе. Линьфэн — хрупкий, с живым и ясным взглядом, благодаря культивации казался моложе своих лет, напоминая чертами лица покойную мать. Линьгэ же выглядел зрелым и статным мужчиной с волевым подбородком — вылитый отец.

Линьфэн всегда недовольно ворчал из-за того, что младший брат перерос его, и каждый раз, возвращаясь домой, надеялся похвастаться успехами, но неизменно обнаруживал, что Линьгэ тоже прибавил в росте.

Характеры их тоже различались. Линьфэн в детстве часто получал нагоняи, а потому в искусстве пререканий ему не было равных. Его покорность была лишь маской, выбитой розгами: внешне он мог соглашаться, но в душе всегда таил обиду на старших — в этом упрямстве он пошёл в отца.

Линьгэ же с детства хвостиком ходил за братом. Он ворчал, словно второй папаша: то боялся, как бы брат не ушибся, то переживал, что отец узнает об их очередных проделках. Характером он пошёл в мать — любил заботиться о других и вечно хмурился, из-за чего среди детей семьи Е его прозвали «маленьким взрослым».

Несмотря на различия, они были очень близки. Многие вещи Линьфэн не мог доверить отцу, но всегда открывался Линьгэ, и именно младший брат не раз удерживал его от опрометчивых поступков.

Сейчас, глядя на взвинченного Линьгэ, юноша на миг почувствовал, будто вернулся в то беззаботное время, когда он был самым бестолковым и горячим ребёнком в округе.

Видеть, как брат исходит беспокойством, было даже приятно. Линьфэн продолжал прикидываться дурачком, хотя втайне поразился пронизательности брата — он-то считал, что в последние дни действовал безупречно и никто в Хуафу не догадывается, кто истинный хозяин лавки каллиграфии и живописи.

— И ты ещё пытаешься лгать мне в лицо? — Линьгэ от возмущения на мгновение потерял дар речи, но, справившись с собой, снова зашептал: — Говори правду, Линьфэн. Это ты открыл ту лавку?

Линьфэн моргнул и весело усмехнулся:

— Сколько же мы не виделись, раз ты обрёл такую пронизательность...

Линьгэ помрачнел.

— Кроме меня об этом пока никто не знает. Сегодня и завтра я смогу тебя прикрывать, но что ты намерен делать дальше?!

Линьфэн некоторое время пристально смотрел на него, а затем произнёс совсем не то, что от него ожидали:

— Линьгэ, брат... Отныне судьба Помесья семьи Е в твоих руках.

Он хорошо помнил содержание «Божественной книги». В той версии будущего, где «переселенец» занял его тело, тот захватил все ресурсы Помесья семьи Е, но из-за постоянных странствий и личных амбиций почти не занимался делами поместья. Брат же, опасаясь подозрений, не смел брать на себя слишком много власти. В итоге формально главой стал Линьфэн, но на деле вся тяжесть забот легла на плечи престарелого отца.

Отец был стар, его силы были на исходе. Он передал титул сыну, желая покоя на склоне лет, но в итоге всё превратилось в странный фарс: Линьгэ тайно управлял делами, поддерживая оборот хозяйства, и отдавал распоряжения слугам от имени отца.

«Уж лучше передать эту ношу брату сейчас», — решил Линьфэн.

Услышав это, Линьгэ побледнел. Он резко вскочил с места:

— Линьфэн, что значат твои слова?!

В отличие от брата, Линьфэн оставался безмятежным. Его спокойствие не было напускным — он лишь наблюдал за тем, что и так должно было произойти.

— Сядь, брат. К чему такая нервозность? Ты же знаешь, я никогда не подходил на роль хозяина поместья.

Он не раз видел Линьгэ озабоченным, видел его встревоженным из-за пустяков, но таким — смертельно бледным и напуганным — видел, пожалуй, лишь однажды.

Если бы не подсказки из «Божественной книги», он бы и не вспомнил об этом. В глубинах памяти, почти стёртых временем, хранился образ: Линьгэ, ещё совсем ребёнок, смотрит на него с таким же ужасом. Это случилось в их далёком детстве, когда они во время прогулки ушли слишком далеко от дома.

Была лютая зима. Озеро сковало льдом, который вполне мог выдержать двух детей. Они бегали и дурачились, пока Линьфэн случайно не провалился в лунку, вырубленную рыбаками.

К счастью, полынья оказалась узкой. Линьфэн застрял в ней наполовину — помешали детский жирок и плотная ватная куртка. Тогда Линьгэ перепугался до смерти, у него отнялись руки и ноги. Позже, когда они вернулись домой, он ещё долго корил себя за ту оплошность.

Вспомнив об этом, Линьфэн смягчился.

Линьгэ был хорошим братом. Даже в «Божественной книге» он относился к Линьфэну (точнее, к тому, кто занял его место) как к самому близкому человеку.

И именно поэтому Линьфэн не мог допустить, чтобы такой брат достался кому-то другому. Нельзя позволять Линьгэ выворачивать душу перед самозванцем.

— Брат, почему ты так волнуешься? — мягко спросил он. — Неужели ты не хочешь занять место главы Помесья семьи Е?

Линьгэ, казалось, лишился последних сил. Он покачал головой:

— Брат Линьфэн, к чему ты клонишь?

О многих вещах в «Божественной книге» не говорилось прямо, но их можно было вычислить по косвенным деталям.

К примеру, его брат Линьгэ обладал незаурядным талантом. Даже оставаясь в тени, он блестяще вёл дела семьи. Это не было привычкой, приобретённым от безысходности через пот и кровь; это была врождённая способность управлять, знание каждой мелочи, каждого рычага.

Линьфэн не отвечал прямо. Вместо этого он доверительно усадил брата обратно, налил ему тёплого чая и заговорил спокойно, будто они обсуждали пустяки:

— С тех пор как матушка покинула нас, меня каждые два года отсылали в орден Шэньтянь. У меня не было возможности подолгу жить дома, мы общались лишь письмами. Но ты, Линьгэ... Ты всё это время был здесь. Тебя учили, ты впитывал традиции. Ты понимаешь, как должно работать это хозяйство, гораздо лучше меня.

Его догадки подтверждались страницами Книги. Отец наверняка давно начал посвящать Линьгэ в тонкости семейного дела, просто это не афишировалось.

Раньше Линьфэн не понимал: если отец передал Линьгэ все необходимые знания, почему бы просто не назначить его главой?

Ещё более странным было то, что в Книге Линьгэ не выказал ни капли удивления или обиды, когда наследником объявили старшего брата. Он спокойно поздравил Линьфэна и безропотно стал его верным помощником.

Линьгэ покачал головой, не поднимая глаз от чашки. Цвет лица его всё ещё был нездоровым, но голос зазвучал спокойнее:

— Брат, не нужно об этом. Ты — старший сын. Как ни крути, место главы принадлежит тебе по праву. Это справедливо.

— В этом мире нет никакой высшей справедливости, Линьгэ. Ты слишком мягкосердечен.

Линьфэн долго размышлял над словами из «Божественной книги». В отличие от обычных гаданий, её пророчества раскрывали не только события, но и тайные помыслы людей.

Так он понял: отец заранее внушил Линьгэ, что пост главы принадлежит брату и на него нельзя посягать. А когда пришло время наследования, отцу пришлось прямо объяснить Линьгэ: власть может быть у тебя, но никто не должен об этом знать.

Официально главой обязан оставаться Линьфэн. Только так семья Е не утратит связь с тем, кто ступил на путь бессмертия. Став главой рода, Линьфэн уже не сможет, подобно другим практикам, окончательно разорвать мирские узы.

В мире заклинателей множество сокровищ, недоступных простым смертным. Ни за какие деньги их не купишь. Но Линьфэн, будучи культиватором, мог легко их достать.

Справедливости не существует. Есть лишь расчёт, выгода, обязательства и хитросплетения человеческих чувств.

Линьфэн с аппетитом принялся за принесённые с собой сухофрукты и семечки. Прихлёбывая чай, он выглядел совершенно беззаботным.

— Отец чувствует вину перед моей покойной матерью и хочет загладить её, отдав мне место главы. Но если бы он действительно раскаивался, он не отослал бы меня сразу после её смерти. И уж точно не поспешил бы привести в дом твою мать и завести другого сына.

<http://bllate.org/book/17497/1713690>